

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

Т.И. Демченко*

ОБ УСЛОВНОЙ ИСТИНЕ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена пониманию и значению условной истины правового сознания, подготавливающей почву для постижения безусловной истины, которая возвышается над формально-логическим знанием и определяет его. Современное состояние российского общества, государства, сознания, культуры, необходимость выработки национальной идеи, государственно-правовой идеологии и соответствующей политики, новая геополитическая реальность побуждают к дальнейшему, углубленному изучению правового сознания, постижению его теоретической истины, выявлению практической значимости в обосновании государственно-правовой жизни. Согласно материалистической модели правовое сознание, как и сознание вообще, является результатом отражения государственно-правового и иного материального мира, продуктом процессов, происходящих в мозгу. В его основе лежат знания, получаемые с помощью органов чувств. А установление истины связывается с суждениями, адекватно отражающими материальную действительность. Условная истина приобретает в связи с чувственным восприятием, логическим мышлением, рациональным знанием, возникающим в конкретных исторических условиях, меняется в соответствии с изменением этих условий.

Ключевые слова: юриспруденция, рациональное познание, понятийное мышление, эмпирическое правосознание, территориальное правосознание, темпоральное правосознание, юридический детерминизм, условная истина, безусловная истина, объективная истина, историческая истина.

Современное состояние российского общества, государства, сознания, культуры, необходимость выработки национальной идеи, государственно-правовой идеологии и соответствующей политики, новая геополитическая реальность побуждают к дальнейшему, углубленному изучению правового сознания, к постижению его теоретической истины, выявлению практической значимости в обосновании государственно-правовой жизни.

Согласно материалистической модели правовое сознание, как и сознание вообще, является результатом отражения государственно-правового и иного материального мира, продуктом процессов, происходящих в

мозгу. В его основе лежат знания, получаемые с помощью органов чувств. А установление истины связывается с суждениями, адекватно отражающими материальную действительность¹. Такого рода суждения, являющиеся формой психической деятельности, дают условную истину. Условная истина приобретает в связи с чувственным восприятием, логическим мышлением, рациональным знанием, возникающим в конкретных исторических условиях, меняется в соответствии с изменением этих условий. Эта истина дискретна, складывается из знаний, определяемых про-

¹ Аристотель. Метафизика. М.–Л., 1934. С. 162.

© Демченко Тамила Ивановна

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета

[tamila-d23@mail.ru]

355000, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

странственными² и временными³ пределами. Представленность правосознания этими аспектами позволяет говорить о территориальном⁴ и темпоральном⁵ правосознании, об особенностях их первоначального становления и последующего развития. Условная истина проходит путь от пространственно-зрелищного, сопричастного, религиозно-мифологического, образного до территориально и темпорально-мыслимого, логического постижения окружающего мира⁶.

Религиозно-мифологическое познание, сопричастное постижение окружающего мира, где логическое мышление сопряжено с пра-логическим постижением мира, характерно в основном для первобытного периода.

Рационализация сознания, утверждение логической формы мышления привели к преобладанию территориального и временного аспектов. Они дают историческую истину социальных явлений, в том числе сознания и правового сознания, в частности, в содержание которых вкладывается различный смысл в зависимости от интерпретации различными мыслителями истины и ее роли в понимании сознания.

² Пространство понимается как естественная географическая среда, как физическое пространство. Географическое пространство характеризуется континуальностью (непрерывностью). С политико-правовой точки зрения территориальное пространство, занимаемое государством, рассматривается как дискретное, прерывистое. Дискретной государственная территория может быть при определенном физическом ее состоянии (например, пространство государственной территории г. Калининграда). Основываясь на этом понимании, Л.И. Грач говорит, что слишком узок перешеек, соединяющий Крым с Украиной, и еще более узок пролив, отделяющий его от России (Грач Л.И. Геополитика и современность // Марксизм и современность. 1995. № 2. С. 34).

³ Время у Платона, например, есть текучий образ вечности. У А. Бергсона оно есть непрерывный прогресс прошлого, растущего по мере движения вперед (Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. Минск, 1998. С. 18). Сегодня время рассматривается как состояние между прошлым и будущим, пространство – как объективирование дистанции, как состояние между двумя противоположными выборами, возможность реализации которых определяет и ограничивает состояние того, что между ними (Виольева Л., Логинов Д. Древность // Гиперборейская вера руссов. М., 2003. С. 15–27).

⁴ О территориальном сознании как государственной идеологии говорит С.Н. Бабуринов (Бабуринов С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 7 и др.).

⁵ Темпоральный (от лат. *tempus* – время). В западной философии сложилось направление, посвященное изучению проблемы времени и методологии темпорального анализа (Современная западная философия. Словарь / под ред. В.Н. Садовского. М., 1991. С. 298).

⁶ Применительно к российскому правовому сознанию эти аспекты представлены праславянским сознанием, сознанием Киевской Руси, Ордынской Руси, Московии, Великой Руси, Царской, советской и постсоветской России.

С рационализацией сознания утверждался взгляд, согласно которому только разум ведет к истинному познанию, согласование которого с внешним миром и дает истину. Разум и основанную на нем науку, а также естественное право, превратившееся в рационалистическое обоснование позитивного права, критиковали многие мыслители. Критика особенно проявилась в позиции представителей исторической, эмпирической школ, во взглядах Канта.

Первые акцентировали внимание на исторических традициях, вторые — на роли опыта в формировании знания и определении его истинности. Кант, по мнению некоторых авторов, не пошел эмпирическим путем от вещей к представлениям о них, он занялся выявлением природы мышления и сознания, независимо от внешнего мира⁷.

Представляется, что позиция Канта не столь однозначна, как она иногда изображается. Кант говорил и об опытном, и априорном путях познания. Он считал, что всякое познание начинается с опыта, но это не означает, что оно целиком происходит из опыта; утверждал о наличии эмпирических знаний, которые зависят от чувственных впечатлений и возможны только посредством опыта, а также — априорных, независимых от всякого опыта. Из априорных он выделял чистые знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое и которые проистекают из разума, обладающего способностью давать принципы априорного знания⁸.

Познание у Канта начинается с созерцания, доставляющего чувственность, которую он называет способностью воспринимать, получать представления о воздействующих на нас предметах. От него переходит к понятиям и заканчивается идеями. У Канта чувственностью предметы даются, рассудком, из которого возникают понятия, они мыслятся. Те созерцания, которые относятся к предмету посредством ощущения (в нем заключена способность представления предмета), называются эмпирическими.

Эмпирическое познание есть познание последовательного проявления движения некой бесконечной субстанции, диалектико-

⁷ Возможно потому, говорят авторы, что в Новое время спекулятивный смысл естественного права подменялся механистической или натуралистической концепциями Просвещения (Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб., 1997. С. 15).

⁸ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 9, 10, 32, 33, 36, 46, 66, 350, 500, 548–551 и др.

го процесса развития материальных вещей от простейших до сложных и высших форм (от явлений природы до религии и философии). Поскольку бесконечное, по мнению Канта, может быть дано лишь в понятии, постольку познание есть процесс распознавания истины абсолютной идеей. Оно осуществляется дискурсивным, т.е. логическим путем, посредством понятий и интуитивным путем, путем озарения, непосредственного, мгновенного постижения истины⁹.

У Гегеля истиной называется соответствие всеобщего понятия его действительности, она постигается в процессе самоосуществления духа как абсолютного понятия, как бесконечной идеи. Дух у Гегеля есть сущность, объединяющая в себе начала субъективного, объективного и абсолютного. Сознание является ступенью отражения и развития духа как сущности и как явления. Дух как сущность выступает как идеальная и сущая реальность — как понятие. Дух как явление есть сознание, которое выражается в отношении к предмету и в знании о нем¹⁰. Связь сознания как явления с предметом делает его зависимым от многочисленных объектов, явлений, исторических форм общественной жизни, от реальных событий мировой истории, которые являются воплощением объективного духа. При этом подлинно реальным является всеобщее, представленное в виде абсолютной идеи, являющейся основой развития всего, в том числе сознания. Цель духа как сознания состоит в том, чтобы это свое явление сделать тождественным со своей сущностью. Рассмотрение духа как сознания только в отношении к другому (так поступали, говорит Гегель, Кант и Фихте) дает теорию сознания¹¹.

Сознание как явление духа в процессе приближения к нему как сущности рассматривается Гегелем как данное, внутренне противоречивое явление, которое проходит в определенных условиях ступени собственного развития. На первой ступени сознание у него выступает как чувственное восприятие внешних по отношению к человеку, единичных предметов, выступающих перед сознанием как сущее. Гегель называет его непосредственным сознанием, поскольку оно приобретает достоверность знания о себе через чувственное влечение к предмету.

Это вожделеющее сознание, которое в результате осознания свойств внешнего предмета

обращается к нему как источнику удовлетворения желаний человека. Зависимость сознания от внешнего объекта делает отношение сознания субъекта к объекту необходимым. Осознание свойств и связей внешних предметов дает первоначальный опыт, который формируется, по мнению Гегеля, именно на этой ступени развития сознания. Здесь же возникают и противоречия между чувственно воспринимаемым единичным предметом и многообразными его свойствами. Это, по мнению Гегеля, разрушающее сознание, поскольку удовлетворение вожделения, порождаемого потребностями физической природы человека, осуществляется через уничтожение самостоятельности объекта¹². Человека с таким сознанием И.А. Ильин назвал социально опасным человеком¹³.

Сознание, осознающее себя в предмете, соответствующем определенному влечению, зависимое от этого предмета, опосредуемое им, растворяется в нем, в «не-я». Оно является самосознанием как единичным, непосредственным знанием о себе и отношением к себе, не имеющем «я» как личность. Это природное сознание, в котором нет двух сторон, нет отношения с выраженным социальным характером. Из отношения непосредственно-чувственного сознания субъекта к непосредственно-единичному объекту проистекает ближайшая истина такого сознания, которое, по мнению Гегеля, необходимо лишь для того, чтобы быть в себе и для себя тотальностью¹⁴.

Дальнейший путь сознания характеризуется снятием зависимости сознания от внешнего объекта, переходом его из единичного, непосредственно данного, внешнего во внутреннее, когда сознание имеет в себе знание себя и окружающего мира. Такое сознание вступает в отношение с другим самосознанием, снимая тем самым единичность и определяя себя как особенное, как субъекта определенного вида. Вступая в отношение с другим самосознанием, оно ищет и добивается признания им своей особенности и делает это через борьбу¹⁵, которая часто приводит к смерти.

¹² Гегель. Философия духа. С. 221–230, 236–239.

¹³ Ильин И.А. О воспитании грядущей России. Соч. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 184.

¹⁴ Гегель. Философия духа. С. 228, 235–237.

¹⁵ Борьбу в качестве основы социального бытия и развития признавали многие мыслители. Гераклит наделил ее универсальным принципом бытия. Гесиод полагал, что она возникает в условиях серебряного века, приходящего на смену золотому веку, и усиливается в последующие периоды. У Гоббса борьба сопровождает естественное, догосударственное состояние человеческого общества. Надо полагать, эту борьбу имел в виду Гоббс, когда говорил о том, что в естественном состоянии человек человеку волк.

⁹ Кант И. Критика чистого разума. С. 11, 45, 48, 417 и др.

¹⁰ Гегель. Философская пропедевтика. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 7, 80.

¹¹ Гегель. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 12, 13, 15, 21, 34, 218–223 и др.

Борьба за признание, осуществляемое одним за счет другого, с одной стороны, является доказательством свободы, хотя в случае смерти и оставшийся в живых, и мертвый остаются непризнанными в качестве свободных. Гегель считал, что борьба за признание характеризует естественное состояние. Из этой борьбы за признание и подчинения власти другого произошла совместная жизнь людей, в которой коренятся начала государства. А насилие явилось необходимым моментом права. Марксизм сделал борьбу классов важнейшим социальным условием возникновения и существования государства и права, а ее ликвидацию — условием их отмирания. Борьба за признание, имеющая место в природном состоянии, чужда, по мнению Гегеля, государству и гражданскому обществу, поскольку результат борьбы — акт признания здесь уже имеет место. Человек признается разумным, свободным, личностью.

Здесь признание одного лица за счет другого сменяется признанием бытия одного в другом, взаимным признанием бытия и свободы, признанием их тождественности друг другу. Это означает, что истинная свобода одного возможна только в случае, если свободен и другой, если первым признана эта свобода и если свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом. В этом отличие двух уровней признания самосознания — природного, соединяющего людей лишь внешним образом, и социального, соединяющего их внутренне¹⁶.

Это свидетельствует о том, что свобода у Гегеля, в отличие от предшествующих мыслителей Нового времени, связывавших свободу с естественным состоянием, есть явление социальное, связанное с социальным общением, в основе которого лежит борьба за признание тождества. Гегель говорит, что определение древними греками и римлянами свободы как природного явления, существование в их свободных государствах рабства, свидетельствует о том, что они не познали сущности свободы. Они не поняли того, что право на свободу заключается в понятии разума, основанном на самосознании человека как такового, как всеобщего «я», на признании таковым другого. Отношение господства, вызванное направленностью самосознания на другое самосознание, одно из которых в процессе противостояния предпочитает жизнь, отчуждается от себя, лишается самости и вступает в услужение к другому, оказывающемуся господином, не свидетельствует

о наличии социальной свободы. Не является истинно свободным и господин, противостоящий рабу, ведущему борьбу за свободу, за признание за ним человеческих прав. Освобождение его осуществляется через освобождение раба¹⁷.

В процессе перехода от непосредственного к опосредованному отражению сознание становится рассудочным сознанием, способным постигнуть истину, закон, сущность которого состоит в необходимой внутренней связи различных определений. Согласно закону, преступление связывается с наказанием. Но это сознание как знание о законах не поднимается еще до того, чтобы из имеющегося в законе единства различных определений, из одного из этих определений диалектически развить ему противоположное. То есть единство остается еще не согласующимся с деятельностью «я», а в сознании лежит определенное отношение к предметам и потому оно тоже условное.

Высшую ступень сознания у Гегеля характеризует разум, который он понимает сначала как простую согласованность с предметом, как правильное, предметное представление. Затем — как знание истинного содержания о предмете и о себе, как полное единство субъективного и объективного, в котором достигнутая самосознанием всеобщность возвышается над обеими сторонами, или особенностями, и растворяет «их в себе». В состоянии всеобщности, которая собственно и есть сущность и основание, самосознание перестает быть самосознанием в собственном смысле слова. Оно становится разумом, в котором происходит соединение единичного и всеобщего, в котором единичное составляет основание всеобщего и всеобщности¹⁸. Здесь намечен переход от условного к абсолютному сознанию.

Положения Гегеля о том, что объект является самосознанию в форме понятия¹⁹, что он полагается субъективно²⁰, было взято за

¹⁷ Гегель. *Философия духа*. С. 245–249.

¹⁸ Гегель. *Философия духа*. С. 230, 248–250; Его же. *Философская пропедевтика*. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 81–90.

¹⁹ Гегель. *Философия духа*. С. 238.

²⁰ «Субъективное» понимается как специфическая форма выражения объективной реальности, первичной по отношению к сознанию, существующей вне и независимо от него. О субъективности, по мнению марксистских мыслителей, свидетельствует тот факт, что объект отражается с различной степенью адекватности, полноты и проникновения в сущность его. (Живкович Л. *Теория социального отражения*. М., 1969. С. 19, 26–28, 40; Копнин П.В. *Диалектика как логика и теория познания*. Опыт логико-гносеологического ис-

¹⁶ Гегель. *Философия духа*. С. 224, 231–235, 240–244.

основу рассмотрения сознания. В сознании виделось явление этого объективного мира (а не явления духа, которое должно стать тождественным с духом — сущностью, как у Гегеля и у других мыслителей), с постоянным и все более полным отражением которого связывалось постижение истины сознания. Логические формы признаны продуктом отражения объективного мира²¹. Отражение возведено в ранг всеобщего объяснительного принципа.

Вряд ли положения Гегеля, которые он использует для характеристики первой ступени самосознания, могут быть положены в основу познания и понимания сознания в целом. Самосознание у него на этом этапе в своем непосредственном отношении к внешнему предмету есть единичное в своем для себя бытии, по содержанию себялюбивое, по направленности вождеющее, преходящее, уступающее место новому вождению и удовлетворению его за счет предмета вождения, потому — разрушающее. Так что форма субъективного не достигает в нем никакой устойчивости. И сам Гегель считал, что рассмотрение сознания только в отношении к другому предмету дает теорию сознания²².

Научные достижения позволили утверждать, что в результате усложнения отражательной деятельности, возведенной в ранг всеобщего объяснительного принципа, основанного на способности отвечать, реагировать на воздействия окружающего мира²³,

следования. М., 1973. С. 48–54, 106–111; Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество. М., 1967. С. 73).

²¹ См., напр.: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 50, 66, 239; Его же: Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

²² Гегель. Философия духа. С. 12, 13, 15, 21, 34, 218–223, 233–239 и др.

²³ Элементарные биологические способы реагирования называются тропизмами (от греч. tropos – поворот, направление, движение, изменение ориентации, обусловленные действием какого-либо раздражителя). Такова реакция животных с сетевидной нервной системой, например кишечно-полосатых (Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 1367). Тропизмы обеспечивают организму приспособление к определенным условиям окружающей среды. В зависимости от природы раздражителя (света, тепла, электричества и др.) тропизмы подразделяются на фототропизмы, термотропизмы, гальванотропизмы и др. Выделяется специфическая реакция растений на действия силы земного притяжения (геотропизм), на прикосновение (стерео- и тигмотропизмы) (Большая медицинская энциклопедия. Т. 25. М., 1985. С. 330–331). В физиологии используется термин «нейротропизм», которым обозначают явления направленного роста нервного волокна при действии различных физико-химических факторов. Следующий уровень характеризуется появлением сетевидной, затем ганглиозной нервной системы, представленной скоплением нервных клеток, которые, сливаясь, образуют взаимосвязанные нервные центры.

сознание приобретает свойство высокоорганизованной материи. Оно становится способным получать и фиксировать информацию на уровне биологической памяти (генетической, иммунологической, неврологической) с целью самовоспроизведения и сохранения своего физического бытия, биологического вида и всей биоинформационной системы. Сознание становится способным мысленно обрабатывать чувственные образы²⁴, запоминать²⁵ их, фиксировать информацию и воспроизводить ее на уровне неврологической памяти²⁶. Неврологическая память эволюционно новая форма, связанная с функционированием центральной нервной системы, в которой под воздействием синтеза белков в клетках происходят структурные изменения. Утверждается, что основу неврологической памяти составляют системы, подобные тем, которые используются в ЭВМ, то есть системы со связанными переключателями.

Усложнение процесса отражения, появление логического мышления²⁷, обуславливают способность анализировать увеличивающееся число эмпирических связей, обобщать знания о продуктах настоящей отражательной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности, прошлой, содержащейся в памяти, выявлять устойчивые свойства, закономерные отноше-

Эта система позволяет не только реагировать приспособительными действиями на непосредственные раздражители, но и перерабатывать их. У членистоногих существует врожденная инстинктивная форма реагирования. У животных – чувствительность. Возникновение соединений нервных клеток-рецепторов (от лат. receptor – принимающий), осуществляющих сигнальную функцию, образование центральной нервной системы усложняющей функцию рецепторов, приводит к появлению специфических органов отражения – спинного и головного мозга (Большая медицинская энциклопедия. Т. 22. М., 1984. С. 267; Советский энциклопедический словарь. С. 1135; Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. С. 45–46). Считается, что нервная система возникла как специфический аппарат сознания на физическом плане.

²⁴ У Канта, например, оно выражается в способности «мыслить предмет чувственного созерцания» (Кант И. Сочинения критического периода // Антология мировой философии в четырех томах. Т. 3. М., 1971. С. 107–116).

²⁵ Считается, что запоминание есть процесс, происходящий во времени. В соответствии с временным фактором говорится о краткосрочной и долгосрочной памяти. К краткосрочной памяти, имеющей минимальную длительность в несколько секунд, относится оперативная, сенсорная память. Долгосрочная память, существующая от нескольких минут до окончания жизни человека, основана на синтезе белков, определяющем изменении в центральной нервной системе.

²⁶ Общая психология / под ред. А.В. Петровского. М., 1986. С. 63–88.

²⁷ О мышлении см.: Мюллер Макс. Наука о мысли. СПб., 1891. С. 1–24, 194–204 и др.

ния, вырабатывать теоретические понятия. С выработкой понятий связывается формализация знаний, процесс, в котором участвовали многие мыслители — Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель и другие.

Ф. Кессиди считает, что особая роль в этом процессе принадлежит Гераклиту. Гераклит, по мнению Ф. Кессиди, сумел сохранить в мышлении единство существования и сущности, интуитивно постичь общее в единичном и четко выразить смысловую нагрузку отвлеченного понятия. Понятия Гераклита, говорит автор, еще не чистые понятия, а образы-понятия, смыслообразы, процесс формализации знаний завершился у Аристотеля и с того времени стал характерной чертой европейской традиции²⁸.

Понятийное мышление названо сравнительно молодой, более совершенной способностью человеческой психики и признано высшей формой отражения. Это определило утверждение о том, что сознание есть понятийная деятельность²⁹, привело к рассмотрению его как продукта познавательно-преобразующей³⁰ деятельности, в процессе усложнения которой происходит, по мнению В.И. Ленина, «совпадение мысли с объектом»³¹. У Гегеля это совпадение происходит на первой ступени формирования сознания. У древнегреческих мыслителей, в частности у Гераклита, единство человека, мысли и окружающего мира — изначальное состояние сознания.

Понятийное мышление складывается на основе психической деятельности человека, направленной на чувственное восприятие им окружающего, в том числе государственно-правового мира, на формирование отношения к нему, к знаниям о нем. Его возникновение и развитие связано с потребностями физической природы человека, с интересами личности, в том числе субъекта права, общества, государства. На уровне понятийного мышления определяются правовые возможности и последствия их удовлетворения, линия правового поведения, признаваемого необходимым в данных условиях, оценивается накопленный опыт, ко-

торый с рациональной точки зрения признается в качестве основы правового сознания и критерия истинности знания. Согласно понятийному мышлению сама природа как бы поднимается на высшую ступень отражения в самой себе, в мозгу³² человека как части природной органической материи, и становится разумной³³.

Теоретической основой формирования понятий и постижения условной истины сознания вообще, правосознания в частности, служит конструкция «конкретно-эмпирического». «Конкретное»³⁴ применительно к правовому сознанию означает срастание множества элементов, их взаимодействий, коренящихся в законе его бытия, образующее сложное сочетание, единство, целостность. Конкретное правосознание есть единство во множестве его эмоциональных, рациональных, иррациональных элементов. Конкретность правового сознания есть начало его синтеза. В конкретности правового сознания заложены пределы изменения и сохранения его как целого явления.

«Эмпирическое»³⁵ лишено единства, оно служит отражению множества. В «эмпирическом» заключаются возможность и пределы мысленного расчленения (в процессе логических операций) правосознания, как целого, на различные структурные элементы. В нем возможность определения их пространственного и временного нахождения. В пространстве вещи, явления, идеи, понятия определенным образом располагаются, пребывают в сосуществовании друг возле друга, во взаимодействии друг с другом, во времени — они следуют друг за другом. Вопрос о том, какое место, предшествующее или последующее, занимает то или иное явление, понятие для условного, психического сознания имеет первостепенное значение³⁶.

Пространство и время являются необходимыми формами конкретно-эмпирического. Их истинная природа не в конкретности, а в дискретности. Как пространственный этот мир бесконечно дробится, как временной он постоянно меняется и гибнет.

У Гегеля, системно изложившего взгляд на мир и рациональное сознание, истинная

²⁸ Кессиди Ф. Гераклит. СПб., 2004. С. 76–79.

²⁹ В.П. Тугаринов, например, утверждал, что мышление — это оперирование понятиями и производными от него логическими формами, что сознание есть понятийная деятельность, основанная на понятиях о предметах (Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971. С. 51).

³⁰ Сегодня подвергается критике не столько отражательная, сколько преобразовательная деятельность (Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоведения. Теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 21).

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350–351; Т. 37. С. 418; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 170, 176, 177.

³² Сегодня он рассматривается как самостоятельная иммунологическая система.

³³ Разум воспринимается как высшая способность понимания и осмысления окружающей действительности, рассудок — как низшая способность (Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 1110, 1116, 1176, 1248; Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 1001).

³⁴ «Конкретное» от лат. *concretus* — сросшийся.

³⁵ «Эмпирическое» от греч. *empeiria* — опыт.

³⁶ Для безусловного сознания это не имеет никакого значения.

природа конкретно-эмпирического заключается не в конкретности, а в разъединенности, дискретности бесконечного множества единичных вещей. А ближайшей истиной сознания является чувственная субъективная достоверность конкретно-эмпирической, пространственно-временной действительности, представленной разъединенной предметной единичностью, определяющей вождедеющее отношение к ней и первоначальную простоту сознания³⁷.

Неизменным в конкретно-эмпирическом мире является обреченность его на гибель. И в этом, вслед за Гегелем говорит И.А. Ильин, заключается онтологическая сущность этого мира. Этот мир, познаваемый чувственным путем, не есть ни истинная, ни абсолютная реальность. Его сознание есть сознание неполноты и ограниченности, а чувственное знание — ненаучное знание. Поэтому конкретно-эмпирическое может быть предметом не знания, а только мнения³⁸.

В вождедеющем отношении к конкретно-эмпирическому миру и его познанию прослеживается у Гегеля определенный момент сопричастности и в этом видится некоторое сходство с идеями Л. Леви-Брюля, своеобразно представившего понятийное мышление и его роль в формировании целостного сознания³⁹. Но вывод, который делает Гегель, прямо противоположный выводу Л. Леви-Брюля. У Гегеля это сознание есть сознание первоначальной простоты, у Л. Леви-Брюля — огромной сложности⁴⁰, содержательности и целостности.

Л. Леви-Брюль полагал, что сознание, лишенное целостности, не в состоянии прироваться к мышлению, где логическое и пра-логическое сосуществуют и проявляются в умственных операциях. Поэтому господствует одностороннее логическое сознание, исключаящее пра-логическое. Для целостного сознания, по мнению автора, не имели значение различия между уровнями восприятия и состояниями сознания — статическим и динамическим, между действиями, направленными на себя и на другой предмет. Для него не представляли существенного значения посредствующие звенья и причинно-следственные связи. Это сознание более тесно связано с моторной, инстинктивной, эмоциональной и интуитивной деятельностью. Поэтому оно не нуждалось в тщательном анализе, обязательном логическом объяснении окружающего мира и понятийном обосновании его⁴¹. Достаточно условное значение для такого сознания имели пространство и время. Но понять все это, считает Л. Леви-Брюль, можно только нарушив наши укоренившиеся умственные навывики⁴².

Рассуждая о конкретно-эмпирическом мире единичных, конечных вещей, окружающих человека, И.А. Ильин говорил, что представление о них есть самое привычное, самое устойчивое и может быть самое мало осознанное. Это представление настолько присуще людям, что расстаться с ним кажется невозможным. «То, что люди знают, они знают, по-видимому, именно об этом мире нашего эмпирического представления; их наука есть наука о нем; их «ум» есть ум этого мира. Уйти от этого способа представления, сойти с *этого* ума означало бы, кажется, сойти с ума вообще»⁴³.

Как сложные явления – российское правосознание, государство, позитивное право – рассматривали многие российские мыслители. Например, российские консерваторы (конец XIX – начало XX вв.), не лишая роли рационального знания, придавали большое значение духовной стороне правового бытия. В советское время высказывались суждения о том, что наряду с понятийным сознанием существуют иные проявления его. Ставился вопрос о роли душевной жизни (Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 149–150; Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 24 и др.).

Правда, оно не помнит, говорит автор, когда научилось этому, прирожденному языку окружающего мира, на котором духи говорят духу (Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 35, 52, 57, 61, 62–65, 87–90, 304, 349 и др.).

Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 20, 303–305.

Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 23–24.

³⁷ Гегель. Феноменология духа и логика. Философская пропедевтика. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. С. 79–100 и др.; Его же: Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 221–230, 236–239.

³⁸ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. СПб., 1994. С. 29–35.

³⁹ Л. Леви-Брюль считает, что понятийное мышление может возникать не только в результате анализа чувственных восприятий, но и в процессе ассоциативных представлений и даже – предассуждений, предвосприятий, предассоциаций и откровений. Такое сознание он называет до-логическим, пра-логическим, синтетическим, целостным, для формирования и понимания которого наряду с законами рациональной логики, выводимыми из внешнего опыта, существенное значение имеет принцип партиципации, сопричастности, обусловленный внутренним опытом и своеобразным мышлением, для которого достаточно условное значение имеют пространство и время. В силу сопричастности, определенного сращивания познавательных сил с объектом познания древнее знание не отграничивалось от окружающей действительности, предметов, действий, людей, с которыми вступало во взаимодействие. Партиципационное сознание способно было говорить языком природы, целостно и абстрактно воспринимать ее, осуществлять глубинное познание сущности, целого, видеть смысл в иных, невидимых в данный момент и не действующих непосредственно факторов (Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 35, 52, 57, 61–65, 87–90, 304, 349 и др.).

Понимание односторонности понятийного познания и основанной на нем науки присутствует у Гегеля, когда он говорит: вряд ли раз-единенная единичность может иметь истинно научное значение. Чувственное созерцание эмпирической действительности и абстрактно-формальные понятия являются основой эмпирической, формальной науки и философии, а не истинной науки и истинной философии. Они ограничивают сознание.

Ограничивает сознание вообще, правовое сознание в частности, материалистический подход к пониманию истины. В.И. Ленин ставил вопрос: «... существует ли объективная истина, т.е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?»⁴⁴. Объективная истина у него представлена абсолютной и относительной истиной, которая олицетворяет процесс всякого движения, в том числе совпадение мысли с объектом, выражает разные ступени познания человеком объективного мира⁴⁵. При этом утверждается, что абсолютная истина дается человеческим мышлением и складывается из суммы относительных истин⁴⁶, которые являются результатом отражения конкретно-эмпирического мира.

Правовое сознание ограничивает его ориентация на эмпирический государственно-правовой мир, на позитивный закон. Некоторые российские мыслители полагали, что правосознание, основанное на законе и проистекающей из него силы, является односторонним, деформированным, нездоровым сознанием. В условиях такого правового сознания, говорил А.С. Хомяков, употребление термина права есть не что иное, как злоупотребление⁴⁷.

Несмотря на то, что в рациональном понятийном познании конкретно-эмпирического бытия мудрые мыслители видели серьезную ошибку⁴⁸, ум, имеющий такую ориентацию, называли несовершенным аппаратом⁴⁹, а

теорию, основанную на здравом смысле и принципе отражения, — глубочайшим субъективистским заблуждением⁵⁰, оно сделалось укоренившимся привычкой в отечественной психологии, социологии, юриспруденции.

И сегодня, несмотря на серьезные и достаточно многочисленные постановки вопроса о необходимости отхода от односторонности рационального познания, ориентированного на проявленный, эмпирический, постоянно меняющийся государственно-правовой мир, сохраняется в качестве господствующего принцип социально-экономического, в том числе юридического детерминизма.

При таком подходе формирование и понимание правового сознания связывается с отражением государственно-правовых явлений, пребывающих в конкретно-исторических условиях, с одним — внешним опытом⁵¹, с одним источником — психической деятельностью, выражающейся в чувственном восприятии, понятийном мышлении, завершающейся логическим построением мысли. Признается, что изменения, совершенствования государственно-правовых явлений непременно ведут к качественному изменению и совершенствованию правового сознания.

Это путь формирования условной, исторической, переходящей истины правового сознания, которая выводится из соответствия юридического знания отображаемому объекту⁵² — государственно-правовому бытию, достигается путем логического, понятийного мышления и связывается с накоплением знаний о нем самом и об отражаемых им явлениях.

В современном понимании именно эта истина является целью познания правового сознания, которое в большинстве случаев определяется как система знаний о праве (читай — законе) и отношений к нему, представленных правовой идеологией и правовой психологией, являющихся продуктом психической деятельности.

Такое познание определило состояние юридической науки и правового сознания, которое фактически представлено юридическим сознанием. Утвердившийся взгляд на правовое сознание, юридическую науку в целом свидетельствует об ограниченности их

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 176–177.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

⁴⁷ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Избранные статьи и письма. М., 2004. С. 46; Его же. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Там же. С. 134–135.

⁴⁸ Такое понимание Ф. Ницше назвал «слепым топтанием философов на почве классического Просвещения» и предлагал сойти с него (Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994).

⁴⁹ Клизовский А.И. Основы миропонимания новой эпохи. Минск, 2000. С. 34, 42. Сегодня об этом пишет В.П. Малахов (Малахов В.П. Философия права. М., 2002. С. 25).

⁵⁰ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 10.

⁵¹ У В.И. Ленина, как известно, «практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195).

⁵² Так ставится вопрос применительно к проблеме научного исследования в целом (Философия и методология науки. М., 2004. С. 33).

возможностей в познании истины правового сознания. Ограниченность связана с психической деятельностью человека, ориентированной на эмпирическую действительность, на познание правового сознания в конкретно-исторических условиях. Эмпирические представления, считающиеся прирожденными свойствами человеческого сознания, Л. Леви-Брюль назвал иллюзией⁵³. Они необходимы для изучения прежде всего физического, материального мира, который как пространственный бесконечно дробится, как временной — постоянно меняется, исчезает и гибнет. Они важны для изучения третьего, согласно терминологии К.Р. Поппера, логического мира, мира идей, понятий, теорий⁵⁴, вырабатываемых определенным государством, на определенной территории и в определенных исторических условиях.

Представляется, что уходу от ограниченности понимания правового сознания, «нарушению» укоренившихся умственных навыков и иллюзорных представлений о нем могут способствовать данные естественно-научных открытий, квантовая, голографическая, информационная теории. Они позволяют расширить представление о правовом сознании, видеть в нем не только продукт рациональной, психической, эмоциональной и интеллектуальной, но и интуитивной деятель-

ности. Они позволяют говорить о том, что истинное, т.е. высшее, абсолютное знание, вряд ли представляет собой сумму относительных знаний, рожденных многочисленными субъективными мнениями, имеющими условный характер.

Это не означает отрицания рациональных способов познания и их значимости в изучении правового сознания, всей государственно-правовой действительности, в познании истины. Рациональное познание с его чувственными восприятиями, теоретическими понятиями, общими определениями, логикой их расположения и взаимосвязи, с условной истиной оформляет интуитивное постижение сущности бытия, формализует государственно-правовую жизнь, вносит в нее культуру мысли⁵⁵.

Непосредственно на основе условной истины, с учетом особенностей конкретно-исторических условий определяется состояние правового сознания, вырабатывается национальная идея, соответствующая государственно-правовая идеология и политика, определяются цели, задачи, направления деятельности государства и права. Познанием условной истины правового сознания подготавливается почва для постижения безусловной истины, которая возвышается над формально-логическим знанием и определяет его.

Библиография:

1. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права — философия бытия, веры и нравственности. — СПб., 1997.
2. Аристотель. Метафизика. — М.—Л., 1934.
3. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. — М., 1997.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. — Минск, 1999.
5. Большая медицинская энциклопедия. Т. 22. — М., 1984.
6. Большая медицинская энциклопедия. Т. 25. — М., 1985.
7. Виольева Л., Логинов Д. Гиперборейская вера руссов. — М., 2003.
8. Гегель. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. — М., 1977.
9. Гегель. Философская пропедевтика. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. — М., 1973.
10. Живкович Л. Теория социального отражения. — М., 1969.
11. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. — СПб., 1994.
12. Кант. Критика чистого разума. — М., 1994.
13. Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоведения. Теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. юр. наук. — Самара, 2003.
14. Кессиди Ф. Гераклит. — СПб., 2004.
15. Клизовский А.И. Основы миропонимания новой эпохи. — Минск, 2000.
16. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. — М., 1973.

⁵³ Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 304.

⁵⁴ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 78 и др.

⁵⁵ См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 43.

17. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1999.
18. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
19. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. — М., 1972.
20. Малахов В.П. Философия права. — М., 2002.
21. Мюллер Макс. Наука о мысли. — СПб., 1891.
22. Ницше Ф. Воля к власти. — М., 1994.
23. Общая психология / под ред. А.В. Петровского. — М., 1986.
24. Общественное сознание и его формы. — М., 1986.
25. Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество. — М., 1967.
26. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. — М., 2002.
27. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. — М., 1972.
28. Тугаринов В.П. Философия сознания. — М., 1971.
29. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Избранные статьи и письма. — М., 2004.
30. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Избранные статьи и письма. — М., 2004.

References (transliteration):

1. Al'bov A.P., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Russkaya filosofiya prava — filosofiya bytiya, very i npravstvennosti. — SPb., 1997.
2. Aristotel'. Metafizika. — M.-L., 1934.
3. Baburin S.N. Territoriya gosudarstva. Pravovye i geopoliticheskie problemy. — M., 1997.
4. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat' / per. s fr. — Minsk, 1999.
5. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya. T. 22. — M., 1984.
6. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya. T. 25. — M., 1985.
7. Viol'eva L., Loginov D. Giperboreiskaya vera russov. — M., 2003.
8. Gegel'. Filosofiya duha // Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3. — M., 1977.
9. Gegel'. Filosofskaya propedevtika. Raboty raznyh let: v 2 t. T. 2. — M., 1973.
10. Zhivkovich L. Teoriya social'nogo otrazheniya. — M., 1969.
11. Il'in I.A. Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: v 2 t. — SPb., 1994.
12. Kant. Kritika chistogo razuma. — M., 1994.
13. Kasatkin S.N. Pravosoznanie kak kategoriya pravovedeniya. Teoretiko-metodologicheskii aspekt: dis. kand. yuid. nauk. — Samara, 2003.
14. Kessidi F. Geraklit. — SPb., 2004.
15. Klizovskii A.I. Osnovy miroponimaniya novoi epohi. — Minsk, 2000.
16. Kopnin P.V. Dialektika kak logika i teoriya poznaniya. Opyt logiko-gnoseologicheskogo issledovaniya. — M., 1973.
17. Levi-Bryul' L. Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii. — M., 1999.
18. Lenin V.I. Materializm i empiriokriticizm // Poln. sobr. soch. T. 18.
19. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psihiki. — M., 1972.
20. Malahov V.P. Filosofiya prava. — M., 2002.
21. Myuller Maks. Nauka o mysli. — SPb., 1891.
22. Nicshe F. Volya k vlasti. — M., 1994.
23. Obshaya psihologiya / pod red. A.V. Petrovskogo. — M., 1986.
24. Obshestvennoe soznanie i ego formy. — M., 1986.
25. Pavlov T.D. Informaciya, otrazhenie, tvorchestvo. — M., 1967.
26. Popper K.R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyi podhod. — M., 2002.
27. Spirkin A.G. Soznanie i samosoznanie. — M., 1972.
28. Tugarinov V.P. Filosofiya soznaniya. — M., 1971.
29. Homyakov A.S. Mnenie inostrancev o Rossii // Izbrannye stat'i i pis'ma. — M., 2004.
30. Homyakov A.S. Po povodu stat'i I.V. Kireevskogo «O haraktere prosvesheniya Evropy i ego ot-noshenii k prosvesheniyu Rossii» // Izbrannye stat'i i pis'ma. — M., 2004.

Материал поступил в редакцию 27 июня 2013 г.